

Кто помнит первую песню Мулявина-младшего?

Ну а с «Зачарованай маёй» получился растянутый, не сиюминутный эффект, который мог десятилетие длиться на советском эстрадном безрыбье. Но вдруг пошёл новый виток! Как с него не сорваться? Чем закрепить успех «Зачарованай»? Песен-то количественно всегда хватало. Много записывали в Минске для радио, для телепередач, учитывая пожелания редакторов давать новое. Хотя приличная часть в итоге через то же редакторское сито и не проходила. А то, что появлялось в эфирах... Скажем так, песню непопулярную, пусть и музыкально клёвую, сделать проще, таких у нас хватало. Никто ведь сейчас не вспомнит ни «Церніцу» из фильма «Ясь и Янина», ни «У цёмным лесе», ни «Я ўчора ў піру была» и многие другие просто хорошие песни. Или акапельную «Радзінную» («У нядзелечку спараненечку»), которую почему-то нехотя, но как всегда клёво написал Толя Гилевич. Помню, как мы её распевали под окнами минского роддома, когда родился Володя Мулявин-младший. Как раз принесли пацана показать, и роженицы из всех окон смотрели мини-концерт «Песняров». А вот как сделать популярную вещь, да чтобы не от названия филейной части была эта популярность? Полжизни своей в ансамбле на это и положили.

Снова в фолк?

Ну а на тот момент всего два направления дальнейших действий просматривалось: искать опору в советском варианте поп-музыки или вернуться к фольклору. Да, с ним тропа хоженная — формально шаг назад. Но для «Песняров» эта тема абсолютно беспроигрышная. Было бы только что сказать, насчёт чего и сам Володя Мулявин, видимо, крепко сомневался. Но всё-таки снова в неё нырнули, параллельно с попсой и программами, не особенно эти шаги акцентируя: по принципу «попытка не пытка», с бесконечными пробными шарами. Скажем, на телевидении засветились со свежей аранжировкой «Хлопец пашаньку пахае»: вроде незначительные изменения, зато видно, что ансамбль работает даже с таким давним репертуаром. Из 1970-х перешла «Ой, дожджык ідзе», стали исполнять «Ой, дубе». Уже в конце десятилетия появились «У нашай хаце», потом «На бітым гасцінцы» и «Палавіну саду цвесць» (последние — случайно или нет, не знаю — связаны с казацкой темой, что выльется в программу в 1990-х). Вроде немного материала, без явного повторения пройденного, но и на новый уровень не тянет. А «На бітым гасцінцы» вообще вымученностью отдаёт: вот нужна была баллада для драматургии концерта — хоть зарежься! Другой вопрос: а нужна ли она была публике?.. И контраст из тех же

времен — «Ой, п'яны я п'яны»: шуточная песенка для мультфильма, но как легко сделана!

Люблю «Машаньку» и «Дожджык»

Из моих любимых «песняровских» вещей в голову сразу приходят как раз обработки народного, причём многое из того самого периода «на ростанях». «Ой, рана на Йвана» (и сразу перед глазами — выступление в Сопоте). Хрестоматийная вещь, но она так здорово сделана, что доказывать или состязаться с «Песнярами» 1971 года нет смысла. Ещё «Ой, дожджык ідзе» одна из любимейших. Дайнеко там берёт вверху такое оперное до — настолько сумасшедшую тональность задал Мулявин в довольно несложной аранжировке (а в «Песнях» не было принято понижать тональность без кардинальной переделки)! Правда, Валере можно только посочувствовать: за красоту пения поплатился спустя годы операцией на связках. Гениальная аранжировка Володи Ткаченко в песне «Машанька», где тоже блистал Дайнеко. Жаль, что обе вещи совсем не раскрытые, хотя «Ой, дожджык» с конца 1970-х почти до «Маяковского» дошёл в концертном репертуаре. Хорошо, что песню эту вспомнили недавно к конкурсу «Славянский базар в Витебске». Так что не удивительно, когда ни мы, ни другие из «Песняров» не возвращаемся к таким номерам.

Сошлось с Резниковым, а с Паливодой — нет

На волне острой необходимости нового в начале 1980-х Володя ухватился за уже упомянутого молодого ленинградского композитора Виктора Резникова. Тот как раз предложил нам свою песню через общего знакомого (выйти на прямой контакт с «Песнярами» было, наверное, непросто: мы всесоюзные звёзды, а начинающих композиторов — море). И всё сошлось — какой-то период регулярно пели несколько Витиных вещей: Мулявин, видимо, решил позаигрывать с современными ритмами (отсюда, наверное, и молодёжная студия «Песняров» в середине 1980-х, и электронщина в аранжировках 1990-х). Не с оглушительным успехом получалось, но срабатывал эффект неожиданности, что ли. И продолжалось это до тех пор, пока автора плотно не взяли в оборот москвичи и ленинградцы. Сам Резников (кстати, очень приятный парень) на ленинградских концертах тоже выходил на сцену с «Песнярами». А ещё в Сочи играл свои вещи между нашими отделениями, правда, там публика курортная — сразу стала требовать снова тех, за кого уплачено.

Жалко только, что тогда же Мулявин в какой-то степени прозевал в самом ансамбле Игоря Паливоду как замечательного композитора

(ну, или не сконцентрировал внимание на этом таланте его многогранной личности). А ведь Игорёк именно в то время, после «Весёлых нищих», писал лучшие свои аранжировки. Та же идеально выверенная «Милую тебя» убеждает: был он и на композиторском взлёте. Конечно, для него что «Песняры», что другой коллектив — блестящий результат. Но всё-таки талант композитора-песенника по большому счёту так и остался у него не реализованным до конца. Да, очень удачны его авторские программы по белорусской поэзии в 1990-х, но популярного там почти нет: не то время было — не до песен...

Кого ни во что не ставили?

С популярными ВИА у нас особой дружбы не было, кроме «Самоцветов» и «Ариэля» разве что. С некоторой ревностью мы сами поглядывали в сторону «Поющих гитар». Как ни крути, они частенько опережали «Песняров» буквально на шаг (но какой!): хронологически первыми открыли тему ВИА, опередили нас и в крупной форме. Зато бесчисленные коллективы областных филармоний с одной-двумя известными песнями мы вообще ни во что не ставили. Как и чисто эстрадные комсомольские ансамбли. Они ведь даже друг друга не пытались перепеть — не то что с «Песнярами» соперничать! Хотя бы потому, что не имели в распоряжении такого яркого вокального аккорда, как мы. А кроме того, оригинальное, новое, выделяющееся — а зачем? Значит, и развития жанру такие бригады не давали (однако, соглашусь: каждому ансамблю стремиться к крупной форме вовсе не нужно). Так что острой конкуренцией не пахло. Нам так казалось, может, ещё и потому, что «Песняры» всегда стояли особняком, даже если делали чисто эстрадные вещи, а не обработки народного (в фольклорном поле копал что-то кроме нас только «Ариэль», но ориентируясь на свою манеру). А может, потому, что на огромную страну даже такого количества ВИА не хватало: публика созрела, и в какой-то момент работы для всех оказалось предостаточно. Чеши сколько влезет!

Палки и галочки

В какой-то момент концертов стало настолько много, что мы к ним относились уже без прежнего пиетета: просто бежали по своему кругу. Помню, как только пришедший на место директора Лев Божко услышал, как мы обсуждаем в «песняровском» кабинете филармонии, сколько в этом месяце «палок». «А что такое палки?» — спросил Лёва. — «Ну, это значит концерты». — «Ой, ребята, — сразу заволновался новый директор, очень интеллигентный человек, — как-то не совсем культурно звучит. Можно же по другому называть». — «Лёва, ну а как? Предлагай!» — «Ну... галочки!» —

выпалил растерянный Божко, за что и был послан куда подальше под дружный хохот.

В НОВОЕ МОЖНО НЕ ВЛЕЗАТЬ

Чем обернулось это перенасыщение рынка, как сказали бы в наше время? Теперь, когда почти все советские ВИА воспринимают по общему стереотипу, возродившимся осколкам прежних более-менее известных коллективов можно петь любые вещи в этом жанре. Никто их не упрекнёт, скажем, в плагиате, поскольку никто и не вспомнит, какие там «гитары» или «голоса» первыми исполняли «Люди встречаются», а какие — «Синий иней»? Эстрада — и всё тут. В плане узнаваемого репертуара больше всего повезло как раз белорусам, прежде всего за счёт «Песняров». Вот сколько сейчас пост-«Песняров», казалось бы, а популярных песен мулявинского периода на всех хватает (и их хотят слышать): в чужое можно не влезать, а с новым, на что претендуют всё-таки «Белорусские песняры», не заморачиваться. Не скрою, льстит, что кое-кто из наших белорусских коллег по жанру всю поют «песняровские» вещи (надеюсь, не без удовольствия). И я их понимаю: именно эти песни однозначно представляют Беларусь — не спутаешь.

ОТКАЗАЛИСЬ ОТ «ОЛЕСИ» И «МАЛИНОВКИ»

Кстати, у нас не то чтобы не было конкуренции с ансамблями-земляками («Сябрамі» и «Верасамі») — речи об этом не заходило! В нашем цеху, белорусском и советском эстрадном в принципе, «Песняры» всегда стояли особняком. Естественно, ни Мулявин, ни все мы только по факту их белорусской прописки всерьёз эти ВИА не рассматривали (это не касается контактов, скажем, с покойным Сашей Тихановичем)! До сих пор не могу привыкнуть, что теперь время как будто уравнило «Песняров», «Верасов» и «Сябров»... Но народ наверняка воспринимал нас всех как «три в одном».

Правда, ещё в советские годы наши коллеги по белорусскому цеху стали обрастать песнями, появились настоящие шлягеры. Но ведь буквально каждый из них композиторы изначально предлагали «Песнярам». И вроде всё совпадало: Мулявин как раз искал возможности, чтобы ансамбль глотнул свежего музыкального воздуха, разобрался в современности, пробовал новое. Но «Олеся» Олега Иванова, прозвучавшая у нас в репетиционном зале, Володю Мулявина не зацепила. Сказал, что вторая песня с одинаковым названием смущает. «Малиновку» Эдика Ханка, его же «А я лягу-прылягу» он тоже не видел в репертуаре «Песняров». Может, ещё и потому, что помнил, как мы ставили на «Ты моя надежда»

того же Ханка, а она не пошла. А когда «Малиновку» с «Олесей» стали крутить по радио, мы к Мулявину: как же ты, Володя, проглядел. Он сидит и только сигаретой затягивается да ухмыляется в свои пышные усы, потом руками разводит: «Х*** его знает, почему так получилось...» (А ругался он редко — знал меру, в отличие от нас, музыкантов.) Да и что ответишь? Вот известнейшие «Подмосковные вечера»: ну никакой зацепки для ушей, а слава — всемирная!

КАК «ВЕРАСОВ» ВЫТЕСНЯЛИ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

Хотя пара неявных конфликтных ситуаций с «Верасами» уже в более позднее время всё-таки возникла. Но музыки и музыкантов это совершенно не касалось. О том, как Машеров решил вызвать из Минска «Песняров» вместо «Верасов» я уже рассказывал. А однажды мне пришлось присутствовать на обсуждении очередных дней культуры БССР в Ленинграде. Предварительно в программу включили по эстрадной части «Песняров» и «Верасов». Наверное, так мы на пару и поехали бы — денег хватало. Но вмешался тогдашний замдиректора филармонии Борис Миронович. Бося, так мы его называли, буквально орал на этом заседании: «Ну зачем нам в колыбель везти аж два ВИА?» И поскольку заседание очевидно затянулось, уставшие члены комиссии поддержали предложение Боси в нашу пользу. Кстати, Борис Миронович всегда выражался несколько туманно. Дело в том, что он не выговаривал «р» и всеми силами избегал проблемы. Я сам слышал, как он по телефону пытался без злосчастного звука объяснить, что «Песнярам» предстоят гастроли в Ленинграде: «Где-где — в колыбели! В какой? Ты что, не понимаешь в какой?» (до собеседника, видимо, дошло, и слово «революции» замдиректора так и не произнёс). Рассказывали ещё, как на партсобрании, где его чуть ли не исключать из партии собирались, Бося толкнул часовую речь в свою защиту, и в ней не было ни одного «р». И, конечно, на любой бытовой случай он имел заготовочку. Например, когда просил закурить, говорил: «Дай канальчик» — или: «Есть канал?»

«ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ» НАЧАЛАСЬ НА НАРОЧИ

С предысторией знакомства Мулявина с писателем Валентином Тарасом связан и я. Задумывая серьёзную работу, Володя не посвящал коллег в детали, пока идея окончательно не созреет. Так случилось и с военной программой. Почти финальная песня «Возвращение» — первая из вещей, которую Мулявин показал нам. Именно её — потому что это стихотворение из книги «Две тетради» Тараса, которую передал Володе мой лучший друг Павел Якубович, тогда

Фотоателье в Минске. В преддверии Нового года с другом Пашей Якубовичем. Начало 1980-х

журналист газеты «Знамя юности». Купил Паша тоненькую книжку в Мяделе, через который мы вдвоём проезжали по дороге на озеро Нарочь летом 1983 года. В ту пору литературные дефициты было проще отыскать в провинции, так что в райцентре Паша сразу кинулся в книжный магазинчик. Вышел он с теми самыми «Двумя тетрадами», а по дороге рассказал о партизанской биографии Тараса. Даже меня, далёкого от поэзии, зацепили отдельные строчки. Уже потом, передавая книжку Володе, Якубович оставил ему и телефончик писателя, даже не предполагая, во что это выльется и для Мулявина, и для Тараса, и для него самого!

ИНТЕРМЕДИЯ

Отрывки из публикаций газеты «Ведомость», печатного органа ансамбля «Песняры» (точнее, Содружества музыкальных ремесленников — СМУРа), появились тут не случайно. В 1980-х эта внутренняя «социальная сеть» увлекла добрую половину «песняров». Мы рассказывали о своём быте с пикантными подробностями, писали ядрёные стихи, знали, как поддеть ближнего. Эта творческая страсть накрыла и меня — я отметился под псевдонимами Доктор Змей Горынич и Писатель И. Я. Оренбург. Псевдонимы вполне говорящие. Ну а писал я, например, вот что.

БЕСЕДЫ У ВРАЧА!

Много литературы — рассказов, очерков, статей, памфлетов и т. п. — посвящено нелёгкой гастрольной жизни артиста. Можно много говорить о длительных командировках, переездах, о всех невзгодах, которые ждут артиста на его тернистом пути.

В своей краткой статье мне бы хотелось затронуть одну, на первый взгляд незначительную проблему, которая, как ни странно, имеет колоссальное значение для нормальной жизни и, прежде всего, здоровья артиста.

Задумывались ли вы, садясь за ресторанный столик, о том, что заказать себе на завтрак, обед, ужин?

Беру на себя смелость порекомендовать вам, дорогие читатели, в качестве примера, один из многочисленных вариантов составления меню.

Возьмём завтрак, который, в силу специфики жизни артиста, иногда сливается с обедом, а иногда служит и ужином: порция холодной белуги или осетрины с хреном, немного икры, тарелка ракового супа, солянка рыбная или солянка из почек с двумя растегаями, жареный поросёнок, телятина или рыбное филе — смотря по сезону.

Летом обязательно ботвинья с осетриной, белорыбицей и сухим истёртым балыком. Затем неизменно скворода гурьевской каши.

Иногда можно позволить себе сделать отступление, заменяя растегаи кулебякой с начинкой в десять — двенадцать ярусов, где должно быть всё, начиная от слоя налиమ్ей печёнки и кончая слоем костных мозгов в чёрном масле.

Возвращаясь к холодным закускам, несколько слов хотелось бы сказать об икре. Она может быть различной, здесь нет одного определённого рецепта. Можно заказать и стерляжью мелкую, и осетровую крупную, и белужью.

Возможно присутствие на столе ароматной паюсной, желательно мартовской и с Сальянских промыслов, а также ачуевской и, наконец, кучугур.

Что касается напитков, то не испортят впечатления от завтрака фряжское, фалернское, мальвазия, греческое, розовое шампанское, бургонское, мадера и, наконец, венгерское.

Ежедневное соблюдение вышеуказанного меню является залогом прекрасной работоспособности и отличного самочувствия артиста и поможет сохранить бодрость.

Доктор З. ГОРЫНИЧ ✕

Нам пишут

Дорогая редакция!

Может быть, письмо это покажется странным, а уж на ответ я и совсем не надеюсь. Но, скажи мне кто-нибудь неделю назад, что я буду обращаться к вам с подобным письмом, я от души бы рассмеялся.

Ещё лет двадцать назад принял я решение поступить в какой-нибудь вуз. Подолгу беседовал я на эту тему с товарищами и подругами, которые почти все без исключения горячо поддерживали мою смелую идею. И я уже видел себя идущим под завистливыми взглядами прохожих с пристёгнутым к лацкану нового пиджака заветным сияющим значком в форме ромба.

Но недавняя встреча с известным артистом, кумиром молодёжи, повергла меня в сомнения. Относясь с огромным уважением к известному артисту, преклоняясь перед его недюжинным талантом, я не смог проигнорировать его (может быть, для него совсем ничего не значащее) замечание по волнующему меня уже двадцать лет вопросу.

Замечания его, соответствующие его крайней незаурядности, были

весьма лаконичны и показались мне потрясающе убедительными. Позволю себе процитировать самые ключевые из них:

«Век живи — дураком помрёшь!»

«В гробу трудно отличить покойника с вузом от такого же, но без вуза».

«Был дураком — дураком и останешься».

И так далее в том же смысле.

Что мне делать, дорогая редакция? Мой возраст не вселяет большого оптимизма: если не принять никакого определённого решения сейчас, то, может статься, поступив в желанный вуз, я так и не успею его закончить и надеть ромбик. В то же время трудно обойти вниманием дружеские замечания всеми уважаемого человека с богатым жизненным опытом.

Может быть, уважаемый внутренний орган СМУРа поможет мне разрешить эту вставшую передо мной во весь рост дилемму?

Мне стыдно за это письмо, поэтому я не называю ни своего имени, ни адреса.

С уважением, заранее благодарный за участие

читатель З. ГОРЫНИЧ ✽

На темы морали

И. Я. Оренбург МОЁ ОТКРЫТИЕ

Скорее стремление поделиться с как можно большим кругом заинтересованных читателей, нежели корпение над изящной словесностью, толкнуло меня на сей раз к страницам авторитетной газеты.

Hilton, Holiday Inn, Ambassador, Rossia, Cosmoss, Байкал, Vtoraya Sovetskaya — вот далеко не полный перечень отелей, где находят приют смуровцы в своих странствиях по пространству и времени. Комфорт (он

же уют), живые цветы, телевизор, вид на реставрирующиеся купола, относительное отсутствие проблем в разрешении личных вопросов (по-смуровски — «провод») и другие порождения современной цивилизации лишь доказывают, сколь высок сегодня её уровень в наших крупных городах.

Но и в этом сверкающем и благоухающем великолепии мы порой находим изъяны. Это потрясшее меня своей простотой открытие я сделал в городе Учкудуке, в гостинице, мило лишённой того, что мы привычно называем удобствами. Не осмелюсь заострять внимание читателя на самых

первых необходимых человеческих радостях после пробуждения — подобным мелочам не место на настоящих страницах. Непродолжительный, но активный бег трусцой по длинным коридорам привёл меня в общественный душ, где я встретил своих коллег-смуровцев, которые с восторгом и ненасытностью пользовались этим неожиданным благом. У них были лица младенцев, только что насосавшихся материнского молока. Дружеские шутки, задорный пионерский, душевная теплота живо превратились в настоящий праздник неприкрытого общения. Здесь все были братьями. Сестёр не было.

Окунувшись в общую атмосферу, я обратился к одному из братьев-смуровцев — атлетического сложения молодому мужчине с голливудским запылком. Стоя ко мне спиной, он мялся под ледяным душем с остервенением мазохиста третьей степени, и, когда в ответ на моё обращение, грациозно повернулся ко мне лицом, колени мои ослабли.

Все мои жизненные представления о добре и зле, о разуме и тупости, о большом и малом, о прекрасном и безобразном, о призрачном и явном, о материальном и духовном — всё во мне рухнуло одним махом, подобно самодержавию на заре нынешнего века. Когда влажный туман, затмивший мои глаза, постепенно рассеялся, я, всё ещё чувствуя себя глубоководной рыбой, оглушённой толовой шашкой подлого браконьера, — сперва расплывчато, а потом совершенно явственно увидел на стройном, как у молодой лани, древнегреческом теле своего брата по СМУРу исполинский, не вмещающийся в моё

(хотя и не бедное) воображение, отказывающийся укладываться в какие-либо рамки, в сознание — член.

Через какое-то время холодный душ и самовнушение привели меня в полное сознание, и я обрёл наконец способность дать более или менее объективную оценку так потрясшему, ошеломившему меня феномену. И только сегодня, когда мой мозг уже в состоянии произвести глубокий психоневрологический анализ описанного случая, понял я, какое счастливое стечение обстоятельств подарила мне судьба, и почувствовал себя неожиданно прозревшим слепым щенком, увидевшим мир во всём его цвете и многообразии.

Как же мало мы, люди, знаем друг друга, если после многолетней совместной работы с этим скромным, интеллигентным, малозаметным, но добросовестным индивидуумом, тружеником кофра и ящика, его образ выкристаллизовался передо мною во всей своей бриллиантовой, гармоничной красе только теперь, благодаря счастливой случайности!

Что ж... «лучше поздно, чем никогда» — гласит посконная народная мудрость. Этот постыдный случай, так красноречиво убедивший меня в вопиющем невнимании к ближним (а тем более к братьям по СМУРу!), поможет мне ещё глубже вникнуть в суть вещей и, надеюсь, не оставит равнодушным уважаемого читателя. А это, в конечном итоге, должно послужить великому делу ещё более тесного сплочения рядов нашего СМУРа, и в более глобальном масштабе — всех людей доброй воли на нашей большой горемычной планете.

Писатель И. Я. ОРЕНБУРГ ✱

Писатель И. Я. Оренбург
АРТИСТ (Эссе)

Артист! Яркое, сверкающее слово, наполненное блеском чьей-то оглушающей славы.

Артист! И благоговеет прыщавый отрок, видящий себя на залитой светом сцене благодарно склонившим главу перед ревущим залом.

Артист! И покрывается холодным потом юная девица, узнавшая в импозантном молодом человеке с новомодной рыжей косичкой знаменитого артиста не менее знаменитого ансамбля, непонятно каким образом попавшего в эту забытую богом российскую глушь.

Артист! И потрясён солидный муж и глава солидного семейства, забыл всё на свете, в том числе и ничего не подозревающих членов своего солидного семейства.

Артист! И разомлела солидная жена солидного мужа (сидящая в первом ряду), сравнивающая достоинства знаменитого артиста с достоинствами своего солидного мужа (не в пользу последнего).

Артист! И восхищённо-подавленная, разнополая, разновозрастная толпа дожидается своего кумира у служебного входа областной филармонии.

Артист!..

Но, дорогой читатель, может быть, прежде чем в очередной раз воскликнуть вожделенное слово, подумаем, а не бестактны ли мы, не уподобляемся ли классическим старушкам, которые, услышав дорогое нашему сердцу слово, выражают боевую готовность дополнить пикантными подробностями обожаемый нами образ?..

...Артист! И, капитулянтски подписывая бронь для заезжей бригады артистов, в бессильной злобе душит в себе самые мерзкие ассоциации директора гостиницы.

Артист! И тревожно вслушивается в бычий рёв, доносящийся из соседнего купе, вечно уговаривающая гордого пассажира слать бельё на конечной станции проводница пассажирского вагона.

Артист! И напрасно дожидаящая свою юную дочь утомлённая мать считает дни до окончания гастролей известного ансамбля.

Артист! И любовно разглаживает 25-рублёвую ассигнацию помятый швейцар в засаленных лампадах, только что продавший бутылку водки измождённому ночными приключениями клиенту.

Артист...

Да полноте! Неужели это всё артист?

Да, читатель. Это всё артист! *

НАШ ЮБИЛЯР

В новом году исполняется 20 лет работы писателя И. Я. Оренбурга в составе СМУРа. Интересно, что юбилейный год — это год Змеи!

СТРАШНЫЙ СОН И МЕДАЛЬ

Когда пошла работа, даже скептики закивали с пониманием: как, мол, не откликнуться на юбилей Победы — тема-то непререкаемая! А в филармонии, где привыкли к неформальным выходкам ансамбля, уже готовились навесить на «Песняров» всех собак за противоположное — за конъюнктуру. Вроде столько раз доказывали свой уровень, а ждали от нас всё равно примитива: возьмут военные и послевоенные песни и сыграют их в своей манере. Правда, в самом ансамбле тоже хватало вопросов к Володе Мулявину. Всех терзало сомнение: как избежать дикой фальши, которая была в цикле «В этом прекрасном и тревожном мире» (чего стоит одно название!) Игоря Лученка, который только-только успели забыть как страшный сон. Эта небольшая программа в защиту мира, животных и чего-то ещё в таком же духе не трогала ни нас, ни зрителей. Запомнилась она разве что одной страшно заушной балладой. Казалось бы, и Мулявин писал баллады, но здесь формализм выпирал ещё тот! Хоть какой-то интерес всему этому придали сто раз переписанные сложнейшие аранжировки Вовы Ткаченко. Но этот цикл — пример того, что должно было умереть после первого же исполнения, а может, и до него! Впрочем, сделали всё добросовестно. (Я тогда, пытаясь оправдать эту работу, провёл даже параллель с экспериментальными композициями Давида Тухманова — правда, убедить даже себя не смог.) Наверное, поэтому на одном из «прекрасных и тревожных» концертов на сцену вышел председатель Фонда мира и вручил Мулявину медаль за работу над циклом. А зачем он вообще был нужен «Песнярам»? Видимо, не мог Володя отказать Лученку (а теперь Игорь и сам над тем шедевром разве что посмеивается).

ТАРАС И ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

У меня осталось впечатление, что мы ждали выхода пластинки «Через всю войну» не меньше, чем первого диска? От и до программа прозвучала всего несколько раз, нам она нравилась и так хотелось услышать оценку всей работе. Правда, только после «Возвращения» и ещё нескольких песен Володе удалось переломить настороженность в ансамбле. Он как-то незаметно убедил: работать будем не над отчётной конъюнктуркой. Да и не вёлся Мулявин на пятом десятке на ура-патриотические баллады — выбирал настоящую поэзию.

Конечно, и влияния извне не прошли даром. Например, однажды Володя случайно встретил меня на Комаровке и позвал вечером к себе домой послушать промежуточный итог работы над будущей «Через всю войну». Причём сказал обязательно привести с собой Пашу Якубовича — ведь именно тот безошибочно подсказал ему в соавторы и помощники Валентина Тараса. С первой же встре-

чи с «Песнярами» Валентин Ефимович говорил нам, участникам ансамбля: не всему в истории войны стоит верить — даже прописным истинам. Эти слова фронтовика, партизана Тараса прозвучали как гром среди ясного неба в 1983 году! А когда старички-«песняры» заикнулись о «Камсамольскім білеце», гость интеллигентно осадил нас: «Прекрасная музыка, высокая тема... Но я был на войне и знаю, что кричали в атаке, знаю, что в карман перед боем клали не комсомольский и не партбилет, не портрет Сталина, а — тайком от командира — снимки матерей, жён, детей, девушек. Ну а поэтам кушать хотелось во все времена...» И когда ближе к сдаче программы Мулявину показалось, что в цикле не хватает баллады, Валентин Ефимович как раз на эту тему написал «Балладу о фотокарточке». Мало того, что это шедевр лирики, композиции, аранжировки. В этих стихах и самый весомый аргумент в пользу художественной правды от автора, знакомого с правдой жизни: «Командир огласил приказ: “Все документы сдать”».

Мне вспоминались те наши беседы с Тарасом, когда спустя несколько лет о «белых пятнах» военной истории заговорили вслух. Да, факты, которым посвящены стихи вроде «Камсамольскага білета» или «Балады аб чатырох заложніках», имели место. Но вот тональность высказывания что у автора стихов Кулешова, что у нас — сомнительная. С другой стороны, если так копаться, то уничтожить надо едва ли не всё, сделанное в то время! Но скажу точно: благодаря Валентину Тарасу я уже не принимал за абсолют ни старую, ни новую правду.

НЕ ПОДГРЕБАЛ ПОД СЕБЯ

Работа со словом в цикле «Через всю войну» — блестящая! Мне нравился метод Тараса: не подгрести под себя. Скажем, Мулявин видел в программе сюжет о партизанах в духе известной картины о письме казаков султану. И Тарас не стал надумывать текст, а нашёл того, кто раскроет тему и не нарушит грань между юмором и серьёзностью, — обратился к Рыгору Бородулину, настоящему кладезю юмора. Так родился «Ліст беларускіх партызан». Из его текста впервые узнали столько чисто белорусских словечек: «мярліна», «здранцвеў», «смярдзюк», «каляны»... А строчку «Выкурым дух твой тхарины з Берліна — пары ў нас хопіць на ўсіх прусакоў» не то что спеть — выговорить непросто! Для пушего разумения Тарас на одной из репетиций перевёл для нас эти стихи с листа словами наиболее понятными — то есть не всегда подцензурными. Но текст Бородулина и не думали как-то упрощать — настолько он органичный! Даже противный дух этого самого хорька (тхара) почувешь!

Одни из первых наших телесъёмов на Белорусском телевидении. Фото: личный архив Марины Мулявиной

На стихи Рыгора Ивановича в «Песнях» была всего одна песня, но однажды случился повод восстановить отношения. Я проводывал Пашу Якубовича в больницу, а он мне говорит: «Сходи поздоровайся с Бородулиным: ему будет приятно. Великий поэт!» (Бородулин тогда оказался с властью по разные стороны.) Я так и сделал, и мы очень тепло поговорили.

До дрожи

А где и когда на эстраде брались за стихи Наума Кислика? И с первого же раза получилось гениально. Его «Песня о пехоте» — это что-то невероятное, непревзойдённое по гармонии, аранжировке. Слова пробирают до дрожи, а какая блестящая музыка Мулявина, насколько точное исполнение у Игоря Пени! Пожалуй, моя любимая вещь не только в цикле «Через всю войну», но и во всём репертуаре «Песняров». Спустя годы Тарас тоже расцветал при встречах: получилось столько прекрасных песен на его стихи, которые композиторы ни до, ни после не жаловали. Например, атмосфер-

ный «Рисунок тушью». Абстракция, без лирического героя, далеко не шлягер, но — одна из лучших вещей цикла. Жалею, что не вошла в концерты и на пластинку прекрасная песня про минскую Комаровку: в коротком стихотворении вся жизнь рынка в оккупированном городе, впечатление из детства Тараса. В хронометраж не вписалась и ещё одна его вещь: «Беларусь созывает друзей». Она была не в характере программы, да и финал тянуть уже было некуда: «Возвращение», мощнейшие «Последние залпы» на стихи Александра Твардовского, где каждое слово точными ударами попадает в мозг — и лирика, и драма. Гениальные стихи, гениальная музыка. Всё как положено! Саморедактура не повредила — заранее было ясно: будут концерты — начнём сокращать материал.

ЗА СТАЛИНА «ВЫПИВАЛИ» РЕДКО

А как не повезло песне «Возвращение»! С первых репетиций ей предрекали успех! Комендант общежития (там я жил в середине 1980-х после развода) фронтовик Хейфец, вся грудь в наградах, напевал её со слезами и пророчил большое будущее: «Это прекрасная песня! Помяни моё слово: будет шлягер!» И «песняры» были уверены: о «Вологде» после «Возвращения» все забудут! Но отличная, выдающаяся песня так и не стала всенародной, которую пели бы за столом в День Победы. Зато разгорелся жёсткий спор: петь или не петь «Выпьем за Родину! Выпьем за Сталина! Выпьем — и снова нальём!» в музыкальной цитате? В дебатах я применил излюбленный ход: как все решат, пусть так и будет. Случайны или не случайны все совпадения, но на этот раз по тому же пути пошёл и Мулявин. Короче, за Сталина «выпивали» редко, а компромиссный вокализ с пластинки использовали и на концертах. А то и просто инструментал звучал. Тем более отношение к Сталину менялось окончательно и бесповоротно как раз в то время. Но цитата на мотив здравицы вождю была к месту. Наверняка ассоциации с этой песней у Володи Мулявина, как и у меня, из детства. Я отчётливо помню, как родители в День Победы (тогда же отмечали и мой день рождения) и после смерти Сталина пели это за столом. А уж при его жизни пили и пели с открытыми окнами да погромче, хотя, скажем, в нашей семье Сталин поучаствовал не с лучшей стороны...

«Что там под ногтями, говорите?»

Из цикла «Через всю войну» ничего не вылетело не по инициативе «Песняров». В отличие от «Песні пра Долю» чиновники, можно сказать, кровь лично у Володи не пили — все разборки шли за закрытыми дверями в Министерстве культуры БССР. Правда, и стоял

перед ними уже тот Мулявин, который мог послать на три буквы или вообще заявить: «Снимайте программу!» Но сколько ни кручу в памяти день сдачи худсовету «Через всю войну», вспоминаю только напряжённую тишину.

Вроде бы я и другие ребята — рядом с Мулявиным, но до нас доходили только отголоски этого конфликта Володи с заказчиком программы — Министерством культуры БССР. Повторюсь, конфликта неявного. Только недавно я узнал подробности за рюмкой чая от члена того худсовета — филармонического аксакала Виктора Синайского. Чиновники, говорит он, впали в ступор от услышанного: на министерских обсуждениях витала даже мысль зарубить программу к чёртовой матери, а с другой стороны — как зарубишь, коль тут о святом для советского человека подвиге народа. Но волновало ответственных лиц, к примеру, почему взяты стихи Кульчицкого (а это для меня, да и не только, наверное, настоящее поэтическое открытие в программе «Через всю войну!»), Тараса, Кислика... Разве «проверенных» поэтов-фронтовиков не хватает? Больше всего смущал комиссию текст песни «Перед атакой». Правда, мы и сами ещё на репетициях сомневались: а прокатят ли стихи Семёна Гудзенко? Что там под ногтями, говорите? Чужая кровь? Какую «самогонку злую» глушили? Двойной грех посреди антиалкогольной кампании! А как сорок первый год может быть «проклятым»?

Военная программа с боевыми подругами: я с дочкой Каролиной, Володя со Светланой Пенкиной. 1984 год

Ну а у Тараса в «Рисунке тушью» зачем «горы трупов не бесплотны, они смердят»?

И всё-таки Мулявин сумел постоять за всю программу. Да, сознательно шёл на риск, но сохранил правду по максимуму, насколько ситуация позволяла, конечно. Хотя и без компромиссов не обошлось. «Самогонка злая» стала «водкой ледяной» (а был и безалкогольный вариант от худсовета), сорок первый из «проклятого» сделался «тяжёлым». Валентин Тарас помогал Володе искать наименее болезненные для смысла, для драматизма стихов замены в бесивших цензоров строках.

«ВОВА, НУ ЗАЧЕМ ТАК МНОГО?»

Как и предчувствовали, на обкатках военной программы мы просто выли: «Вова, ну зачем так много?» Но мулявинское «надо сокращать!» прозвучало только после показа целиком в глухой провинции, где народ онемел, не хлопал — короче, не знал, как реагировать. С неподготовленными залами бывали недоразумения и посерьёзнее. «Через всю войну» как-то представили блоком из четырёх-пяти песен на концерте в томском Дворце спорта. Местное начальство перетрухнуло: в программке такого нет. Объявили со сцены, а потом и лично чиновникам пришлось пояснять: что это новый цикл к сорокалетию освобождения Беларуси от фашизма, к юбилею Победы. Всё обошлось, но пальчиком за самодеятельность нам, конечно, погрозили.

А ведь были задумки делать двухчасовое представление во Дворце спорта на основе одной только военной темы! Но вовремя вспомнили опыт минского Дворца спорта, где Володя однажды устроил концерт на три часа чистого звука с двумя антрактами: людей такое испытание музыкой не обрадовало. Да, обкатки удлиняли концерты, зато закреплялся материал, а опыт пригодился и для драматургии концертов. Например, в цикле «Через всю войну» есть явная точка отсчёта, когда мирная жизнь сменяется войной: духовой оркестр играет вальс (это находка Игоря Паливоды), а встык идёт звук вражеских самолётов и акапельная вещь под народную — так на концертах звучало, так и на пластинке оставили. В конце программы — расширенная тема победы с «Возвращением» и потрясающими «Последними залпами». А как быть с остальным, как размещать номера, на чём основывать хронологию?

КОМУ — ПАРИЛКА, КОМУ — ХОЛОД

«Песняры» почти полностью отказались от театрализации военной программы. Какой уж тут капуста: сложная музыка, тяжёлые

стихи, требующие внимания. (На память сразу же приходят российские военные ансамбли, которые при полном параде или, наоборот, в нелепых костюмах подпевают поп-звездам.) Да и к чему плясать и выделываться, раз всё вживую звучало? С другой стороны, найдись тогда человек вроде Серёжи Винникова, который поставил нам полноценный спектакль по Маяковскому, всё могло бы сложиться. Так что обошлись минимумом: пару иллюстративных моментов использовали в лирике и юмористических вещах. Скажем, в «Тальяночке» Игорь Пеня выходил с гармошкой. В «Лісце беларускіх партызан» Шурик Демешко, похлопывая себя по пузу, разыгрывал то ли партизана, то ли запорожского казака. А «мультипульты» голос Толи Кашепарова с ироническими нотками «дядьки из народа» идеально ложился к мелодии «Ліста». Но чтобы выбрать тот самый голос, нужен был Мулявин. Как и для того, чтобы взять после трагических песен передышку на картинку-интермедию вроде «Бани». Переслушаешь — и снова восхитишься незамысловатой, казалось бы, вещицей. Это какой уровень композитора, аранжировщика, исполнителей, чтобы сделать эпическим полотном тыловую зарисовку из поэмы «Василий Тёркин»! Кстати, для интермедии на премьеру где-то отыскивали бочку с жидким азотом. Шурик Демешко что-то подсыпал через узкое отверстие, а потом махал веником и себя хлестал. Получался не сценический дым, а что-то вроде пара — элемент шоу, короче! Правда, холодный пар с температурой ниже нуля окутывал руки бас-гитаристу Боре Бернштейну, который стоял рядом с бочкой и, наверное, уже на автомате доигрывал концерт. («Песнярам», помнится, как-то в Польше показывали возможности жидкого азота: на секунду погрузили веточку в сосуд, а когда достали — она рассыпалась...)

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЕ «ПЕСНЯРЫ» И ПОСТОВОЙ В ТУАЛТЕТЕ

Костюмы нам сделали в военном стиле, но без прямолинейных шинелей и пилоток. Это были, наверное, самые удобные комплекты — наравне с лаптями и льном времён «Песні пра Долю». У друзей-военных достали маскировочную сетку (не зря же базировались на территории зенитно-ракетного училища). Но главное в сценографии «Через всю войну» — световые эффекты, настоящие лазеры, которые были только у «Песняров». Сначала разжились мало-мощным красным, а потом от своих друзей с военного завода где-то в глубинах России наш звукорежиссёр и директор Толя Щёлоков привёз прибор с зелёным лучом — добыл его по большому благу, один на руки выдали только. Работало устройство с водяным охлаждением. Для этого во время концертов из туалета тянули шланг, а возле

крана висела табличка «Не выключать!». Но какой-нибудь «доброжелатель» нет-нет да закручивал вентиль, и в лазере тогда мгновенно сгорала трубка, и Толя Щёлоков от звукорежиссёрского пульта бежал менять деталь и открывать воду. Тогда стали выставлять «постового» в том самом месте — кого-нибудь из рабочих ансамбля. Само же шоу выглядело так: на стены наклеивались зеркальные поверхности, от которых отражались и перекрещивались лучи, опутывая зал сеткой. Выглядело это шикарно, вот только никто не думал о технике безопасности. А ведь луч зелёного лазера был настолько мощный, что мог ослепить!

Повспоминали — и хватит

В цикле «Через всю войну» тема, близкая каждому, раскрыта талантливо, широко. Не пустое всё это, не только, что называется, «в струю попали». Потому-то зрители и принимали программу как минимум с интересом, потому и прокатывали её два года. Когда мы с Валерой Дайнеко учились в Минском институте культуры, лучшим подарком преподавателям, ненамного нас постарше, была возможность попасть на репетиции «Через всю войну» на нашей базе в Уручье или на концерт — хоть в оркестровую яму. И музыку, и исполнение сразу оценивали: «Шедевр!» Там и правда ударный состав аранжировщиков сложился: Паливода, Ткаченко, Бернштейн — созвездие! Так что здесь априори не могло быть слабых песен, пусть даже программа эта формально «датская». А что это значит? Только одно: повспоминали — и хватит. Тем более как во втором отделении без «Вологды» и «Яся» выйти?

Уже после минской премьеры, где всё прозвучало как потом на пластинке, стали резать материал под Дворцы спорта. Ладно мне было жалко прекрасных песен, к которым «Песнярам» уже не вернуться, — но каково Мулявину? Своё резать по живому, собственными руками ставить крест на песнях, за которые вплоть до отдельных слов недавно боролся! Причём убирали действительно музыкально лучшее. Например, «Миша Камінскі» — пожалуй, самая эмоционально тяжёлая вещь цикла в блестящей аранжировке Бори Бернштейна. Все знают слово «Хатынь», и композиция оказалась в программе, но для рядового концерта — перегруз: пять минут, минор, трагедия... Чем пожертвуешь ради красивого акапельного вступления «Правджала сына маці»? Практически сразу отказались от «Багратиона», который формально «приколачивал» материал к заявленной теме сорокалетия освобождения Беларуси. А следом за «Багратионом» шла не самая выдающаяся у «Песняров» лирика «Родная сторонка» на стихи Твардовского (хотя песня-то красивая!), где масштаб разговора снова переходил в бытовую плоскость.

«Песняры» на бульваре Луначарского. Сейчас место нашей съёмки называется бульвар Мулявина. 1973 год: в верхнем ряду стоят (слева направо) Анатолий Кашепаров и Леонид Тышко, в нижнем — Александр Демешко, Владимир Мулявин, Валерий Мулявин, Чеслав-Виктор Поплавский, Леонид Борткевич, Владимир Николаев и Владислав Мисевич. Середина 1980-х: стоят (слева направо) Владимир Беляев, Игорь Пеня, Игорь Паливода, Валерий Дайнеко, Борис Бернштейн; сидят — Владимир Ткаченко, Аркадий Эскин, Владимир Мулявин, Владислав Мисевич, Анатолий Кашепаров. Фото: форум pesnyary.com; Юрий Иванов

«Гальяночка» для меня — шлягер, а публика приняла песню с прокладшей: все помнили другую «гальяночку» — «На солнечной поляночке» (и «Белорусские песняры» сегодня поют при случае более расхожий первый вариант).

НЕУЖЕЛИ ДИСКРЕДИТИРУЕМ ТЕМУ?

Время идёт, но оценить программу «Через всю войну» по достоинству общество не торопится. А ведь благодаря ей в этой теме не наступила пустота после веского слова Богословского, Блантера, Соловьёва-Седого. Да, петь о войне каждый день — значит дискредитировать тему, но разве сложно прокрутить в эфире хотя бы пару номеров в дни очередных «-леть» Победы и освобождения Беларуси? Видимо, сложно. Володины песни как не звучали, так и не звучат, хотя записаны все: редкий случай, когда на «Мелодии», после постоянных сокращений на концертах, появилась возможность развернуться на два диска. (Не заговаривали уже ни о членстве Мулявина в Союзе композиторов, ни о претензиях Минска — речь ведь шла о госзаказе!) Уверен, не только мне не хватает их — искренних, неподдельных, без тогдашних московских понтов, без сегодняшних местечковых белорусских претензий...

Когда несколько раз поймал на FM-радио мелодии из «Весёлых нищих», подумал: вполне себе формат. Ну и не один же я такой дурак, который слушает и наслаждается! С циклом «Через всю войну» то же самое: откройте эту программу публике на равных с другой музыкой, покажите контраст! Именно этим мне запомнилось американское телевидение времён первых гастролей «Песняров». Ещё не вещали каналы типа «MTV», зато передавали выступления джазовых оркестров, диксилендов — культурное наследие уже на тот момент. В Беларуси тоже есть огромное наследие — у «Песняров». Вот только потенциал этот держат в уме. Может, до тех пор, пока новая «Белоруссия» не появится?..

В БУХТЕ, ГДЕ ГЛУШИЛИ СПИРТЯГУ...

А вот фильм-концерт «Через всю войну», бывает, и прокрутят по белорусским телеканалам. Пусть это не шедевр, но и такое кино могло не появиться. Режиссёры жизнь кладут, чтобы выбить деньги на проект, а тут — бери хоть кто! И все недостатки фильма как раз от необдуманности, от спешки. Замедлить процесс никто не мог, даже Мулявин с его авторитетом. Ну а спешка была дикая: указание Белорусского ЦК, деньги спущены, сценарий Паша Якубович при участии Валентина Тараса написал в сверхсжатые сроки... Посреди лета на «Беларусьфильме» готов к работе оказался только Сергей Лукьянчиков, режиссёр спортивных документальных

фильмов. Оператором назначили Дмитрия Зайцева, одного из лучших в Беларуси, как нам отрекомендовал его постановщик. Правда, Зайцеву пришлось помучиться с потёмками на сцене минского Дома офицеров. И вроде бы успешно: пара прожекторов, которыми нас высвечивали из черноты, выглядят в фильме почти творческой находкой! В конце концов, война с темнотой что в жизни, что в душе как раз и ассоциируется. Другое дело, что большего и не задействуешь: на сцене в Доме офицеров толком не развернёшься (а выхода никакого: филармония оказалась плотно занята, Дворец спорта на ремонте). Кроме картинки, ещё и качество звука на грани: номера сняты прямо на концерте без минусовок. Но в том-то и ценность фильма, его естественность. Будь там подложка с пластинки — такой эффект не получился бы.

Явный недостаток яркого концертного материала компенсировался архивной съёмкой, документальными кадрами — их в фильме едва ли не половина хронометража. А для натуральных сцен киношники рванули за «Песнярами» в Крым: Ялта, Симферополь, потом Керчь. (Тут, в бухте с военными катерами и торпедоносцами, мы с Володей Мулявиным глушили «самогонку злую» ещё с «Орбитой-67».) Именно после этого концерта Лукьянчиков договорился о съёмке «Последних залпов» на горе Митридат. Сцена получилась прекрасной, факелы — отличная находка. Ну а действие держится только на магии Мулявина. А вот ветеранов-пехотинцев в приморском городе так и не нашли (наверное, сказался курортный настрой, с которым группа поехала в Крым: не до поисков было). Зато сняли колоритного деда-моряка!

Куда деть машину Кира?

Есть прекрасная телесъёмка, где Володя Мулявин поёт «Последние залпы» на фоне площади Победы и стелы «Минск — город-герой». Вот где вся мощь «Песняров» в военной теме воплотилась — просто и гениально одновременно! Жаль, что эти кадры в фильм не вошли. Никто не снимал и то событие, когда с циклом «Через всю войну» ансамбль собрал одну из самых больших своих аудиторий. Это было на площади перед минским оперным театром. В прямом смысле яблоку негде упасть, а милиции, считай, и нет. Никто предположить не мог, что в праздник, кроме каких-то пьяниц, люди соберутся на концерт. И вдруг — полгорода! Когда толпа начинала шевелиться, один из функционеров Белорусского ЦК буквально седел на глазах. Вове Ткаченко пришлось медленно, но верно пробиваться к сцене через этот людской монолит, почему концерт и задержался. Исполняли самые яркие номера программы, ну и без «Вологды» не обошлось. Однако программу

нас попросили подсократить от греха подальше. Меня же волновал в тот день, как это случается в самые ответственные моменты, совсем не концерт. Наготове стояла полная машина кира и закуски (выступление проходило в День Победы, то есть назавтра после моего дня рождения). Куда это счастье определить? Товарищ из ЦК позвонил директору театра Васе Буканю, с которым Мулявин в своё время служил в армии, и всё добро затащили в его кабинет. После концерта этот самый чиновник больше всех и пил, потому что в случае ЧП первой полетела бы его голова. А мы привычные: всякое бывало...

КАК БИЛЕТАМИ Я «РАБОТАЛ НА ЗАЧЁТКУ»

Кстати, творчески насыщенное время подготовки и проката программы «Через всю войну» совпало с моим и Валеры Дайнеко обучением на заочке в Минском институте культуры. Почему лично я рвался во что бы то ни стало получить диплом о высшем образовании, уже рассказывал. А поступал в Минске потому, наверное, что... ближе к дому. Ведь в своё время всех «песняров» приглашали в знаменитый московский ГИТИС, когда там только-только создали эстрадное отделение в 1973-м, но в ту пору один Валера Яшкин рискнул поступить на Высшие режиссёрские курсы при этом институте. (Потом туда же на режиссуру поступали и Лёня Борткевич после ухода из «Песняров», и Толя Кашепаров, ещё работая в ансамбле.) Нас двоих с Дайнеко зазывали и в Смоленский институт культуры, а вместе с Толей Гилевичем — на его родину, в Донецкий институт культуры. Но, скажем, мы с Валерой каждый по своим причинам решили для себя вопрос одинаково: какая разница, где получать диплом? Так что с открытием Института культуры в Минске мне стало ясно: не в этом году, так в следующем буду туда поступать. Специальность тоже выбрал — «хоровое и народное дирижирование». Думаю, ничуть не прогадал: учиться оказалось очень интересно. За все пять лет сессии старались не пропускать, на занятиях участвовали в хорах и как рядовые участники, и как дирижёры — никто не смотрел на наше «песняровское происхождение». (Мало того, мы с Дайнеко оказались, пожалуй, самыми взрослыми дядьками на своём курсе — мне, к примеру, на момент получения диплома исполнилось сорок!) Между тем выкраивание времени для учёбы в гастрольном графике ансамбля было настоящей каторгой. Тут уж бутылку преподавателям приходилось ставить чаще, чем другим. И резко возросло количество розданных пригласительных билетов на концерты «Песняров» (педагоги и на репетицию с радостью попали бы, не то что на концерт!). Благо «Через всю войну» (спасибо автору Володе Мулявину и всем её аранжировщикам!) и участие

в ней порой капитально выручало нас — работало на зачётку. Да и не раз от своих преподавателей слышал: есть в этой программе хоры, которые и к нашему обучению лучшим образом подходили.

МЫЛЬНАЯ ОПЕРА НА УЛИЦЕ КУЛЬМАН

Этот же период связан у меня с разводом. Повлияли ли «Песняры» — не люди, не музыка, а сам образ жизни — на разлад в семье? До жены наверняка доходили слухи о гастрольных нетворческих встречах с поклонницами. Мало того, когда отношения испортились, у меня появилась женщина в Москве. Потом возникла другая тема: мало денег приношу. Жена подозревала, что я недодаю, но дело было куда проще: в 1980-х мы стали зарабатывать меньше. Тогда Татьяна, не разводясь, подала на алименты. Бухгалтерия филармонии, конечно, балдела, когда снимала с меня тринадцать процентов заработка: выходило, что я прячу зарплату, не кормлю свою семью — мыльная опера на улице Кульман! Правда, как раз тогда на какое-то время наш оклад подскочил со ста с чем-то до полутысячи рублей! Ну что же, рассудил я, всё равно дочке пойдёт.

Когда пошёл этот ярко выраженный спад, моей первой теще стало ясно: жить нам ещё долго, я учусь непонятно чего ради, постоянно в разъездах — так зачем нужен бедный и почти бывший артист? А то, что деньги чемоданами привозил ещё совсем недавно, всю семью в импортные шмотки одевал... Короче, игралась классическая роль тещи. На мне поставили крест, вокруг нашей с Татьяной семьи нагнеталась её родственниками (кроме тестя Михаила Климентьевича) недоброжелательная атмосфера. Кстати, родители мои в своё время приняли мой брак... молча и мужественно, а теперь, к счастью, были на расстоянии. При редких встречах отец делал вид, что ничего не знает и знать не хочет. Кстати, правильное решение — как я теперь его понимаю. И тогда я ему был благодарен за это. Мать вела себя примерно так же. Тем более Татьяна с маленькой Каролиной съездила однажды в Оренбург. Там её и раскусили: не их человек. Правда, про это я узнал спустя годы, поначалу не говорили ни хорошо ни плохо.

Ну а дальше — заявление на развод. И коль семья давала трещину, а поддержки не было никакой, чтобы её сохранить, то... Гори оно всё огнём! Помню, я тогда встретил режиссёра Володю Орлова, поделился своей ситуацией, он меня поддержал: «Старик, разводишься и не сомневайся!» Я ушёл в общагу, оставил квартиру двухкомнатную бывшей жене и ребёнку, как было принято в «Песнярах». Другое дело, что не успел получить новую по не раз опробованному в ансамбле сценарию: время изменилось.

Ну что же, развелись — значит, развелись, не получилось — так не получилось. Не ищу правых и виноватых. Это наша общая проблема, что жизнь повернулась так. Главное, родилась в этом браке прекрасная дочь (я и не мечтал, что у меня будет такой ребёнок!), а у неё родился мой внук Майкл. Так что без этой части жизни не было бы и меня такого, какой я есть сейчас. Жаль только, что все эти разборки пришлось пережить на переходный возраст Каролины.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПОД РАДИАЦИЕЙ

В 1986-м на майские праздники «Песняры» остались в Минске. Концертов не планировали — репетировали понемногу цикл по Маяковскому в зале школы милиции. На Первомай фотограф Юра Иванов для Москвы снимал нас сразу после демонстрации, на диком солнцепёке. В памяти отпечаталась картинка из тех дней, ужас которой только со временем стал доходить. В парке у оперного театра, где памятник Марату Казею, дети-гимнасты, которых тренировал мой друг Анатолий Литвинский, готовились к Первомаю — бегали, радовались жизни, а родители от жары изнемогали. Жизнь как жизнь, и кто бы мог подумать, что жара эта — неспроста?

Помню, сначала заподозрили НИИ в Соснах под Минском — мол, у них что-то вышло из строя. Потом появилось слово «Чернобыль», правда, почти никто толком не знал, ни где это (знаменитый теперь городок тогда вообще с Тернополем путали — мол, всё едино Украина), ни что там произошло, в чём опасность. Первыми заговорили однокашники нашего бас-гитариста Михаила Кулькова, дипломированного физика-ядерщика. На уровне предположений прозвучало, что случился очень опасный взрыв. А вот мои соседи по даче, учёные в этой области, отговаривались общими фразами: больше мыться и лишний раз из дома не выходить. Ну проверили они лес из-под Столбцов для моего дома с дозиметром, а что такое бэры, в чём их опасность — кто объяснит? И по контрасту с нашей неграмотностью японцы, тогда же оказавшиеся в Беларуси, просто на перроне минского вокзала оставляли вещи, если на их мини-дозиметрах (а они у каждого) светились цифры выше нормы.

Но зато соседям-ядерщикам «повезло» в другом: им давали участки не по шесть соток, как в нашем товариществе, а по четыре. Наверное, за вредность. Их полезной работы, конечно.

«ВЫКИДЫВАЙ НА ХРЕН ВМЕСТЕ С ЯЩИКАМИ!»

А дальше пошли слухи об аварии, о радиации вперемешку с фактами. Скажем, встретили мы с Валерой Дайнеко знакомых девушек из Гомеля на вокзале, а они первым делом рассказывают: у людей там кожа зудит постоянно, как при аллергии, и в городе формируют

Вверху: 1 мая 1986 года. Смотрим в одну сторону. Фото: Юрий Иванов
Внизу: «Песняры»: в верхнем ряду (слева направо) Владислав Мисевич, Игорь Пеня, Владимир Мулявин, Александр Растопчин, в нижнем ряду — Дмитрий Явтухович, Александр Демешко, Владимир Беляев, Михаил Кульков. Минск, вид с набережной Троицкого предместья. 1 мая 1986 года. Фото: Юрий Иванов

составы для эвакуации. Вдруг на холостяцком вечере у журналиста и спортсмена Толи Литвинского весь его балконный урожай лука и петрушки забраковал сосед-физик с дозиметром: «Выкидывай на хрен вместе с ящиками!» Как тогда горевал Толик — с такой любовью возвращал закуску, так ждал её урожай... Что ещё? Вместе с другом Пашей Якубовичем мы забирали из роддома его жену Наташу и сына Алёшу под целлофановой плёнкой. Знакомые докторы советовали давать детям йодные таблетки. Мне их для дочки Каролины достала в забитой больными лечкомиссии жена Володи Мулявина Светлана Пенкина. Правда, таблетки надо было давать сразу, а не по прошествии времени. Ну и всего через несколько дней в Минске буквально каждый знал, что привкус железа во рту — признак радиации. Как мы от неё защищались? По собственной инициативе только выпивали почаще да побольше. Ну и в том же зале милицейской школы нам вдруг стали настоятельно советовать закрыть форточку.

В ПЕКЛО РВАНУЛА ПУГАЧЁВА

Ну а к лету в пострадавшие от аварии районы стали активно отправлять ведущих артистов республики. «Песняры», конечно, в первых рядах. И не столько потому, что наш гражданский долг — морально поддержать людей. Тут как раз не требовалось самих себя убеждать. Просто тогда всё было централизованно, инициативы ни от кого не ждали: сообщили, что поедем по Гомельской области — Мозырь, Хойники, Брагин... — вот и собирайтесь! Ясно, что в самое пекло не посылали. Правда, мы и сами не спешили, как Алла Пугачёва, скажем, оказаться поближе к Чернобылю, а то и в нём самом. Да, она появилась там первой из московских, а то и вообще всех советских артистов. Думаю, те же ликвидаторы аварии хотели её увидеть прежде всего (вся же страна ждала тогда, на острие, появления на станции генсека Горбачёва с какими-то разъяснениями, чего так и не случилось), но сколько у Аллы потом было проблем со здоровьем, вызванных той поездкой в Чернобыль... Кстати, после аварии, но ещё до выезда на Гомельщину мы вылетели на концерты в Красноярск. И многие настроились обследоваться у местных врачей. С трапа самолёта сразу просимся у организаторов: везите в больницу. А в ответ на наши страхи о Чернобыле только бросают мимоходом: «Слышали, слышали...» После объяснили, что в Красноярске и его окрестностях хватает точек, где фонит не меньше, чем в Чернобыле, и не первый год.

ВЫСТУПИЛИ — И В АВТОБУС ПЕРЕОДЕВАТЬСЯ

Если не ошибаюсь, центром гастролей определили Мозырь, где мы тогда провели больше всего времени. Жарища там стояла

невероятная, и, мне казалось, людей было совсем немного (тогда уже начинались эвакуации). Но вдруг вижу — работает выездная торговля: пирожки, соки, квас... Только всё непривычно накрыто плёнкой, вроде как защита от радиационного фона. Помню, как для покупателей эту плёнку приподнимали, чтобы налить, скажем, стакан напитка. А кто-то из наших пацанов сгущёнку ложками ел местную, рогачёвскую: и хрен с ним, что непонятно, откуда молоко, — вкуснота! Ну разве что коллективно после концертов повысили ежедневную дозу дешёвого красного болгарского каберне, которого в магазинах было навалом.

Из гостиницы мы каждый день на нашем «лазике» ехали по райцентрам области. Въезд и выезд из районов — через блокпосты: военные досматривали салон (а мы колесили со своей аппаратурой), колёса мыли в ямах со специальным раствором и им же потом поливали сам автобус, проводили замеры фона. Правда, благодаря тестю Толи Кашепарова, который работал в гражданской обороне, у нас был и свой дозиметр, который мы в дороге постоянно выставляли прямо в форточку автобуса и которым еду или питьё тоже проверяли. Да и сопровождающий у нас был с приборчиком. Кстати, когда я последний раз с «Песнярами» ездил в США, к ансамблю подошёл молодой мужчина. Говорит: «Помните, я солдатом сопровождал вас в Хойники с дозиметром в руках и запрещал выходить в поле во время технической остановки?» И правда, тогда ещё совсем пацан, он всё тыкал нам под нос цифры на экранчике, которые особенно шкалили в колосье. Даже на стадионном газоне в тех же Хойниках фоново по-чёрному. Но мы всё равно выходили и выступали, не спрашивая, почему надо работать под нещадно палящим солнцем, а не в ДК, под крышей. (Ответ простой: чтобы начальники могли показать своим начальникам, какой у нас бесстрашный народ.) Хотя в райцентрах старались не задерживаться: выступили — и в автобус, там и переодевались на ходу.

ГОРОД ЖЕНЩИН И ПОЧЕРНЕВШИЕ КУРСАНТЫ

На таких концертах напряжение от произошедшей совсем недалеко аварии как-то и не чувствовалось: люди радовались, принимали тепло, трибуны были полные. Причём женщин — пруд пруди, а вот детей, которых развезли по лагерям, и мужчин (может, их на сборы вызвали?) совсем было немного. Разве что служивые, то ли солдаты и милиция, то ли завтрашние ликвидаторы в серо-коричневой форме. Кстати, не только в Хойниках казалось, что военных едва ли не больше, чем гражданских. Мы-то приехали, когда после аварии прошло несколько месяцев, а в самую её ночь туда вывезли поднятых по тревоге курсантов-милиционеров во главе с бывшим комсомольским

вожаком, тогда начальником политотдела Высшей школы милиции Владимиром Подрезом. Они уже почернели от солнца, форма в пылище, в грязи. И признавались: спасаемся водкой. Радиацию они ею выгоняли из организма или страх из головы — не знаю, но тогда мне стало ясно: дело-то в Чернобыле произошло нешуточное, коль пацанов тут со свету сживают в буквальном смысле.

РУБЛЬ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Спустя ещё какое-то время «Песняров» собрали в Министерстве культуры БССР: сделайте благотворительный концерт на минском стадионе «Динамо»! У вас есть военная программа, Лученка позовите — вот и вклад ансамбля во всенародное преодоление последствий чернобыльской аварии. Мулявин сначала упорствовал: готовиться надо, а времени в обрез, да и аппаратура у нас для такого стадиона никакая (в итоге собирали подходящий комплект, как говорится, с миру по нитке по государственным коллективам). Но министр культуры на все аргументы отрезал: хоть в ЦК жалуйтесь, а надо сделать. Причём, да, в считанные дни, без рекламы особой и за плату — вопреки желанию Володи. Он хотел, чтобы люди приходили бесплатно, раз уж государственное мероприятие. Но в итоге на стадион продавали билеты по рублю (на футбол тогда пускали за рубль сорок) и сборы обещали перечислить в потерпевшие регионы. Нам такая форма работы на то время была в новинку, и ансамбль всерьёз волновался, что люди подумают: мол, «Песняры» зарабатывают на беде. Наверное, всё обошлось, раз очереди стояли в кассах «Динамо». И если учесть, что зрителей собралось больше половины от возможных примерно пятидесяти тысяч, так это один из самых массовых концертов ансамбля.

ШУРИК ЗАБИЛ ГОЛ ВЕКА

Тогда нам вообще везло на стадионы. В финал Кубка СССР по футболу в 1987-м вышли две команды с названием «Динамо» — минская и киевская. В середине июня у них решающая встреча в московских «Лужниках». «Песняров» вызывают в Москву выступить в перерыве матча (причём уже на месте выяснилось: из Украины исполнителей никто и не думал звать — мы, таким образом, выходили не как белорусские, а как советские музыканты). Конечно, поехали без вопросов, тем более многие футболисты наши друзья. О матче помню, что «зарубон» был дикий, основное время закончили с ничьей 3:3, и всё решалось по пенальти — киевляне выиграли 4:2. Ну и в первом ряду страшный завод огромного стадиона на десятки тысяч зрителей просто оглушал. Да и болели уже по-новому, пораскованнее народ стал.

В перерыве мы выскочили и пару песен забацили под «фанеру». А потом Шурик вдруг решил вспомнить родную брестскую футбольную школу: поставил мяч на одиннадцатиметровый. Пусть и в пустые ворота, но облажаться при полной арене и в присутствии минской команды... А он — в верхний угол, в «девятку»! Ну, публика взревела, будто гол века увидели! Те, кто за Минск болел, наверное, подумали, что мяч Шурика — самая лучшая песня, отличное предзнаменование для минчан. Правда, только мы сели, как из прохода рядом выходят киевляне с каменными лицами, словно им только что дали по головам. В общем, сомнения появились в победе белорусов...

КАК ПРОКОП ИСКАЛ «ПЕСНЯРОВ»

Был такой выдающийся белорусский футболист Александр Прокопенко. Он в «Динамо» минском играл, в олимпийской сборной в 1980-м, но карьера сломалась: нарушал режим — любил выпить. Причём нередко с Шуриком Демешко, своим другом, который один из первых в «Песнях» развёлся и после концертов нередко в компании с Прокопом загуливал, в отличие от всё-таки более дисциплинированных женатиков (хотя жена — не стена, ясное дело). Однажды в поисках компании для совместного распития Прокопенко оторвался от жены во время второго отделения «солянки» во Дворце спорта с «Песнярами». Уже «готовенький», полез из зала прямо на сцену, где до антракта доигрывал какой-то другой ансамбль (а мы в это время по дворцу шляемся, ждём своей очереди и ничего не подозреваем). Трезвый Прокоп или поддатый — его в Минске узнавали все: настоящая звезда! И вот он движется по сцене прямой наводкой: цель — Демешко, ну а раз музыканты играют, осталось Шурика найти и договориться. Вот только, видимо, шаг за шагом Прокоп понимает: брэнчат-то не те — ни одной знакомой рожи. Тут публика в первых рядах, глядя на оцеленевшего, его признаёт. Уже даже пошла оглушительная волна: «Прокоп! Прокоп! Да это же сам Прокоп!» Заезжие, видимо, музыканты на сцене стоят с выкаченными шарами, да и внимание зала потеряно окончательно. Прокоп же всматривается в барабанщика и убеждается по фактуре: нет, не Шурик! Тогда завязывается диалог подочумевшего от такого явления с пьяным: «Где “Песняры”?» — спрашивает Прокоп. А собеседник, понятия не имея, кто это вообще на сцену выполз, посылает его куда подальше. «Короче, увидишь Шурика, скажешь, что Прокоп приходил». И пошуровал назад под бравурные крики публики: «Прокоп! Прокоп!»

Кстати, ни Шурика, не «Песняров» он в тот вечер так и не нашёл. К жене, правда, тоже не вернулся. Наверное, отправился в знаменитый ресторан гостиницы «Юбилейная», что напротив дворца.

И ВСЁ-ТАКИ НЕСОВМЕСТИМЫ?

Во время работы над циклом по Маяковскому вряд ли кто-то обманывался своевременностью набивших со школы оскомину стихов. Но смелые эксперименты захватывали! Тем более авторитет Мулявина в коллективе был непоколебим, особенно после того как он сделал из заезженной военной темы настоящий шедевр — «Через всю войну». Но во второй половине 1980-х менялись понятия, ценности, всё и всех ломало на наших глазах, а тут вдруг «Песняры» в разгар кризиса выходят с товарищем Лениным «фотографией на белой стене»... Причём, когда приступали к работе, вождя ещё ставили выше недостатков советского общества, мы сами свято верили стихам Маяковского. Но ко времени концертов Ильича сбросили с пьедестала — и рупор эпохи вслед за ним! Сейчас подумаешь иногда: может, и правда стоило тогда попридержать коней, разобраться в ситуации. Московские администраторы, например, вообще прямо заявляли: «Да кончайте вы с этим...» Конечно, нас впервые увело так далеко от однажды выбранного пути: ни с исторической, ни с литературной стороны никто в поэзии Маяковского подкован не был, кроме Мулявина пожалуй. (Правда, не секрет, что пришёл он к поэту благодаря жене — Светлане Пенкиной: тогда её влияние на Володю росло, и не только со стороны поэтических вкусов...) Но на программке к сдаче «Во весь голос» так и было написано: «Мы понимаем, для многих в зале поэзия Маяковского и наш ансамбль — просто несовместимы. Два года работы убедили нас в обратном. Сегодня встреча с вами поможет нам узнать, кто прав». Я бы сказал так: точного ответа никто не получил, но результат, безусловно, оказался непопсовый. И раз программа эта до сих пор кое-кому не даёт покоя и её ворошат — значит, уже не провал. Кстати, со временем она мне нравится всё больше, а изъяны, вернее, то, что ими казалось, мельчают. Маяковский же сегодня — снова «в законе», непререкаемый авторитет, гигант. Ошибиться вместе с ним «о времени и о себе» не грех, и место Мулявина после такого цикла — не далеко от гениального поэта. Да и родился бы такой порыв у Володи, не втянись он, не увидь концепции будущей работы, не сделай Маяковского своим, мулявинским?

ПАХМУТОВА ставила жирный плюс, хотя народ недоумевал

Неоспоримый плюс работы с поэзией Маяковского — никто не рассуждал, как в случае с Бёрнсом, какое, мол, отношение Маяковский имеет к советскому обществу. Наоборот, останься мы в прежнем государстве и при прежнем строе, могли бы рассчитывать

на очередную двойную пластинку, какие-то почести за идеологически верный и притом высокохудожественный шаг. Но даже с таким условным преимуществом «Песняры» изначально не напрашивались на комплименты, а всегда ожидали оценки по достоинству. К примеру, в Воронеже на все концерты и репетиции ходил специалист по Маяковскому — пожилой профессор, знакомый, как оказалось, даже с воспетой нами Лиличкой. Между репетициями учёный подолгу беседовал с Володей, приоткрывал ему мир поэта (подобно тому, как Тарас помогал Мулявину искать лучшую военную лирику). Уже своим вниманием он доказывал: у «Песняров» получился не выстрел в воздух. Да и понимал он: такого серьёзного обращения к Маяковскому больше не будет. Запомнилась статья в одной киевской газете, где сравнили программу «Во весь голос» и сольный концерт Ларисы Долиной. Прозвучало там, конечно, что сложно сегодня рассматривать Маяковского однозначно, но «Песняров» хвалили: столько лет на сцене — и подняли настоящую глыбу! (Теперь думаю: мы, увлечённые собственным делом или какими-то своими вопросами-проблемами, не замечали этого изнутри, а, видимо, наша перспектива к тому времени публикой и критиками просматривалась довольно туманно...)

И всё-таки сегодня точно ясно: программа «Во весь голос» в принципе расширяла музыкантские горизонты. Ансамбль прилично поднадоел публике, и не грех было обратиться к чему-то «из ряд вон» — для подкачки внимания, ради глотка свежего воздуха. Потому, как всегда бывает с неоднозначным материалом (сразу «Гусли» вспоминается), положительные отзывы получали больше от музыкантов. Например, Александра Пахмутова однозначно ставила жирный плюс, что уже немало. Зато рядовые зрители часто недоумевали: «Что-то не то...» Или «Вологду» нет-нет а требовали прямо посреди программы «Во весь голос» — громко, с места. (Правда, никогда у нас не было, как в знаменитой своим контингентом донецкой опере: шахтёры впитывали искусство стаканами прямо во время спектакля, а артисты терзались — останавливать представление сразу или милицию подождать.) Собственно, ничего удивительного: приобрести уважение одновременно и со стороны зрителя, и от коллег практически невозможно — обязательно потеряешь «очки» у другой категории. Впрочем, в работу над крупной формой подспудно закладывалась цель подтянуть публику, открыть что-то новое в музыке, близкое «Песнярам», Мулявину в определённый период. Другое дело, что в переломное время, когда делали и прокатывали «Во весь голос», эти принципы сработали лишь отчасти.